

Визит ангела

Наталья Гарбер, 2005,

из книги «Джем»

Ангелу Ванечке, который теперь уже, наверное, большой архангел

Накануне защиты диссертации по педагогике я нашла себе площадку для проверки своих идей в летнем детском лагере Переславля-Залесского – и поехала на природу учить деток компьютерной мультипликации. Увидела реки, ослепительные леса, получила в свое распоряжение семилетних отпрысков новых русских, которые видели в этом мире уже все семь чудес света и все остальное тоже – и вошла с ними в полный и гармоничный альянс, гуляя на пологих горах вокруг лагеря и делая мультики. Хрустальная чистота этого мира так меня поразила, что я начала писать какие-то поэмы о сотворении мира слогом, которым никогда не говорила, чуть ли не на древнерусском языке. И гуляла, гуляла, гуляла по этим лесам. И дышала, дышала сосновым воздухом.

Все было прекрасно, кроме того, что на первую смену мне приставили помощника. В первый день он сломал один из четырех компьютеров. Железного страдальца отнесли в техподдержку, которая обещала похоронить его с почестями. Тогда на следующий день мой ассистент угробил систему на втором компьютере, после чего ее сутки «поднимали» три преподавателя-программиста. Следующим подвигом моего помощника, которому было велено больше к технике не подходить, было уничтожение какого-то спортивного инвентаря – детский физрук вычел его стоимость из моей небольшой зарплаты, потому что зарплаты ассистента на покрытие расходов не хватило. Юное чудовище изобразило мнимое раскаяние.

И когда мы с детками сильно нагваздали, рисуя красками, лепя и клея из цветной бумаги всякие инсталляции, горе-помощник потряс меня предложением за нами прибраться («ну чего ты волнуешься, это ж просто клей и резаная бумага – тут нечего испортить!»). Я повелась – устала очень. И к вечеру ассистент... потерял ключ от комнаты, предварительно увеличив бардак в ней втрое и заперев дверь на два оборота.

Помещение вскрыли – снова за мой счет, а я сказала, чтоб ассистент больше мне на глаза не показывался. На что милый мальчик пообещал записать на мой телефонный счет все международные переговоры своих родителей. Я взбеленилась, но тут короткая «малышковая» смена, на мое и его счастье, закончилась. Я попросила руководство лагеря никакого ассистента мне больше не давать. Никогда. Мне обещали подумать. Немного.

Когда я вернулась с пересменки, наш повар был еще в отъезде, зато зашел один из молодых преподавателей и сказал: «Я нашел местного. Он сидит у нас в комнате вместе с едой, которую ему дала мама и говорит, что готов поделиться. Ножик возьми, чтоб консервную банку открывать, и пойдем перекусим». Я нырнула за ним по коридору, открыла дверь и...

...Если вы видели Аполлона в молодости, то можете приблизительно представить то, что мне открылось. Этому высшему существу мужеска пола было лет 15. У него были голубые глаза, копна волнистых светлых кудрей, юношеский румянец, идеальное телосложение, ослепительная улыбка и ангельская внутренняя гармония. Я немедленно порезалась своим тупым консервным ножом, осела на какую-то койку, вытаращила глаза – и минуты три просто не дышала. Это существо было лучше Давида Микельанджело из Пушкинского музея, потому что оказалось еще и совершенно живым в своем совершенстве.

Мне очень хотелось потрогать божество, чтобы убедиться, что все это у него настоящее, натуральное. Не налаченное и наманикюренное, как в модных рекламах, а свое, как у подсолнуха на лугу. Мне сказали, что существо зовут Ванечка, он приехал ассистентом, а к кому – там будет видно. Про что мы говорили, я не помню, потому что была в транс. Ванечка же, как и положено небожителю, над моей реакцией не посмеялся, а вел себя по-ангельски ровно, приветливо и уважительно. Видимо, привык к потрясенным женским лицам.

Я на такого помощника даже не подумала претендовать, потому что ангел – он ничей. И потом – я все еще была в стрессе от предыдущего горе-помощника. Поэтому, пообедав, просто пошла в свой зальчик с компьютерами – разобраться, что к чему. Минут через пятнадцать вошел

Ванечка и сказал: «Я буду твоим ассистентом... Если можно». И мне показалось, что я – то ли Дева Мария, то ли Господь Бог с ангелом в помощниках. «Хорошо», – пролепетала я, стараясь соответствовать моменту. Ванечка обошел мои компьютеры, те дружно замигали как надо и наладились под его руками за считанные минуты. Ангел мой оказался еще и маленьким компьютерным гением.

К вечеру, когда я засобиравшись потусоваться с преподавателями, мой помощник спросил: «А можно, я возьму ключи и поделаю мультики? Ведь мне надо знать анимационную программу, чтобы вам помогать?» Я вспомнила предыдущего ассистента, и... тут же трясущимися руками отдала Ванечке ключи, потому что отказать ангелу не могла. Через час я не выдержала, сбежала с вечеринки и пошла посмотреть, что ангел наделал в моей каморке. Он сидел за монитором, на котором нарисовал реку. Там в лодочке ритмично качался рыбак с удочкой, а в черном дупле прибрежного дерева время о времени моргало... нечто. В каморке царил мир и благодать, все компьютерчики были целы, а сам ангел собирался попить теперь чайку. Аминь.

Потом, через несколько месяцев, уже в Москве, когда мы сдружились, я рассказала Ванечке, как тогда боялась отдать ему ключи. И он ответил: «Да, я помню. Я знал про предыдущего ассистента. И когда ты отдала мне ключи, то понял, как ты меня любишь». Он всегда говорил главное. Ангел ведь.

*Я упаду в тень
От призрачной ветки сосны.
Капнет в ладонь день –
Оттуда, где мы рождены.
Я прикоснусь просто
К чьей-то чужой руке,
И на земле, жмурясь,
Звезды моргнут в реке.*

Скрывать мои чувства к Ванечке было бессмысленно и невозможно: сложно утаить, что ты на небесах. И вообще я решила, что раз мне по своей воле явился ангел, значит, я все очень хорошо и правильно сделала в своей жизни. А я, поскольку приехала с этюдником, вскоре даже сделала Ванечкин портрет с крылышками – чего скрывать, если так и есть? Ванечка мою любовь воспринимал так же гармонически, как волны на озере и шелест леса.

Глядя на него, я все время вспоминала Заболоцкого – «что есть красота и почему ее обожествляют люди – сосуд она, в котором пустота, или огонь, мерцающий в сосуде?». Ведь на самом деле это очень сложно – быть таким совершенным, что при виде тебя люди замирают, прячутся и хотят быть ближе. Очень сложно быть все время на виду, когда взгляды прилипают к тебе, и окружающие стремятся тебя потрогать. Это нарушение границ ощущается физически, даже если прикосновение делается не руками, а намерением.

Еще сложно общаться, потому что во всех других областях люди ожидают от тебя такого же совершенства, каким наградила природа твою внешность. Хуже того, они начинают считать тебя каким-то национальным достоянием и присваивают себе, как музейный экспонат, мешая быть живым. Сын моей коллеги в начале каждой смены обегал новоприехавших детей и возвращался с победным криком: «А Ванечка все равно самый красивый!» Поживи-ка ты сам с таким лозунгом, думала я. И вправду – сложно быть красивым, очень сложно. Выдержать это может только ангел.

Со временем я начала его понимать. Этот холодноватый, ослепительный, гармонический мальчик с походкой молодого дога плыл между соснами и в любом освещении выглядел, как совершенное творение Бога. Я вспомнила, как в детстве все трогали и тискали меня из-за моего дружелюбия и начала понимать его тонкую холодность и легкий флер печали.

Поэтому дистанция между нами таяла медленно – и в этом было большое удовольствие. Хотя мы были очень дружны, я смотрела на него бережно и не прикасалась к нему, чтобы не потревожить его спокойствия, свободы и красоты. Я понимала, каково это – когда люди залапывают твою искренность, пытаюсь зачерпнуть ее из тебя, как крем из баночки. И уважала

Ванечкино внутреннее пространство. А он в ответ уважал мое – и между нами выходила гармония.

Педсоставу наш альянс нравился, за исключением одной дамы. Сообщество наше включало пожилую физтеховскую чету: она – бывшая красавица, он – бывший спортсмен. Жена любое обращение к мужу начинала со слов «заткнись, дурак». Он и затыкался, не открыв рта. Если же хотел что-то сказать в ее присутствии, показывал руками. Вид имел страдальческий, иногда – до слез. Мы там играли в КВН, меня выбрали командиром, так он молча показывал мне руками ответ на вопрос. Я поняла, что ответ правильный и заставила заговорить. Он его прошептал.

С остальными дама тоже не церемонилась, строила и наставляла, почему зря. Посему, понаблюдав наше с Ванечкой общение и смерив взглядом мои скромные внешние данные и наш разрыв в 11 лет в мою пользу, дама громко спросила меня как-то вечером за общим столом: «И что это он с тобой ходит? Полно же красивых девочек вокруг – как я, когда была помоложе...» Народ от такого вопроса слегка опешил, а я вполне серьезно задумалась – действительно, зачем? И вдруг на меня снизошло. «А затем, – сказала я, – что вы его вожделеете, а я люблю». Преподаватели одобрительно захохотали, и вопрос был исчерпан.

На следующую нашу вечернюю преподавательскую тусовку мой ангел привел своего младшего восьмилетнего брата. Это оказалось буйное чудовище, которое извело всех за пять минут, после чего Ванечка поглядел на меня и спросил: «Увести?» «О, да!» – взвыли присутствующие педагоги. И пятнадцатилетний Ванечка свое чудовище как-то укротил и из комнаты удалил.

А вечером рассказал мне про свою семью. Отец, сказал, живет «как немец, ну, очень... четкий». Тот и вправду показался мне при встрече почти ледяным. Мать – женщина истерическая, была близка с младшим братом. И я поняла, что дома моего ангела не любят, предпочитая маленькое чудовище, ибо оно родителям понятно. Так что посланник небес вырастил себя сам – в условиях, приближенных к адским – и научился великолепно управлять своими эмоциями.

Вскоре мне его самообладание пригодились. Когда лето закончилось и настало время прощаться.

*Из дома уходя с вещами,
Не оборачивайся. Что ж,
Так в ссылку увозили сани,
Так сам собой проходит дождь.
Мое предсмертное страданье
Довольно, что пред ним стою
И жизни терпкое прощанье
По желтой ветке узнаю.
И в ясный день осенней муки
Хочу пронзительно запеть.
От осознания разлуки
Совсем не сложно умереть.*

Во время отъезда из лагеря мне казалось, что если я с ангелом Ванечкой расстанусь, то умру, но тут оказалось, что он, на мое счастье, учится в Москве, в колмогоровском интернате при мехмате. Так что вскоре он позвонил и спросил, не приехать ли ему в гости. Да, сказала я.

Дальше он всегда сам звонил и приезжал, когда хотел. И выходил у него гармонический ритм встреч. А я впервые плыла по течению и позволяла себя организовать – с остальными, взрослыми приятелями я всегда играла первую скрипку. Ванечка же, как и в лагере, взял инициативу на себя – и мне впервые в жизни оказалось удобно и спокойно следовать за кем-то.

К нашей дружбе мы оба относились уважительно и весело. Ангел мой свою роль в моей жизни понимал, но не выпячивал. К зиме привык ко мне совершенно и начал иногда шалить. Мы ходили в парк гулять, я как-то подсекла его, а он повалился в снег, смеясь и вопя: «Не валяй Ваньку!» Я вспомнила, что в детстве у меня была любимая игрушка «Ванька-встанька», и сообщила ангелу,

что живой Ванька не в пример лучше пластмассового. Он обрадовался, повалился в снег опять, набрал полные ботинки ледышек и мы бегом побежали домой, греться.

Я тогда подумала, что очень люблю «игрушечные» отношения, легкость и баловство, а тяжести и ожиданий не выношу. Ванечка, видимо, тоже наелся людских ожиданий и хотел легкости, так что мы были два сапога пара. Легкие, легкие были дни. Кроме одной темы – Ванечка хотел романтических отношений. «Ну, ты понимаешь...» Я подумала и сказала, что я его воспринимаю как ангела и терять этого не хочу. Он отступил.

Следующим летом Ванечке пришла пора поступать в университет, и какой-то его друг-одноклассник, гений недоделанный, сказал, что Ванечка даже на ВМК не поступит. Ангел мой и вправду был далеко не отличником: при своей компьютерной одаренности к остальным предметам относился очень спокойно. И тут сказал печально и серьезно: «Я не поступлю». Провал на вступительных означал армию, и я не на шутку испугалась. Шел 1995 год, вокруг страны было полно горячих точек, да и сама армия была бы для Ванечки с его внешностью кошмарным местом.

Разозлилась было на его одноклассника: что это за друг, который так сбивает самооценку перед экзаменами? А потом подумала: что мне какой-то недоросль, я сама – препод с мехматской выучкой. Мать моя была в командировке, и я решила так: «Ты поселишься у меня на несколько дней. Я тебя выучу. И ты поступишь. А потом разберемся». Ангел подчинился, но когда я его оттестировала, то с ужасом поняла, что друг его был не так уж далек от истины – то ли от самовнушения, то ли от чего еще, но Ванечка в суть математических задач не врубался совсем.

Меж тем первый экзамен был письменной математикой – тут на красоте не выедешь. Ну, где наша не пропадала – я вынула решебник своего знакомого профессора физтеха Виктора Борисовича Лидского и сказала Ванечке, чтоб он забыл про страх, пока мы будем учиться. Вечером первого дня он поднял на меня свои прекрасные голубые глаза и сказал: «Я никогда еще так не работал. Можно отдохнуть?» «Только после экзаменов! – грозно сказала я. – Армия в сегодняшних условиях тебе точно не нужна, поверь мне».

Через три дня ангел мой сдал письменную математику на непростые четыре балла. Я ликовала. К устной математике он уже поверил в себя и получил пять. Дальше было просто – стартовая девятка дала ему фору, он поступил, началась студенческая жизнь. Ванечка еще раз на прогулке спросил меня про романтические отношения, и я снова почувствовала, что история... не об этом. Тогда я уйду, сказал он. Хорошо, сказала я, спокойная, как никогда: у меня было четкое ощущение, что связь не прервется ни от чего. Мы развернулись в разные стороны на набережной Москвы-реки и разошлись прямо на прогулке, легко и без претензий.

Потом до меня доходили какие-то слухи о нем, но история наша была настолько законченная, что я больше ничего в ней не искала.

Прошло восемь лет. Я села писать книгу по творческим решениям в бизнесе, планируя ее поначалу как первую часть докторской диссертации. Было чувство завершения большого этапа жизни, я аккуратно собрала все материалы и... Вместо того, чтобы начать писать, вдруг поняла, что устала, впала в состояние крайней печали, стала гулять в лесу около дома и почему-то не могла работать. Что-то засбило в моей жизни.

*я – усталая птица, лежащая на воздушной волне
я – парение над светлой ложбиной зеленых холмов
я – выжженные колючки и камни по дороге в Иерусалим
я – равновесие бессознательного полета*

И тут мне в электронную почту упало письмо: «Здравствуй, Наташа. Если ты меня вспомнишь, я – Ванечка. Хочешь, я расскажу тебе про свою жизнь?» Ангел коснулся меня своим крылом, подумала я так, будто вчера рассталась с ним. И ответила: «Конечно, хочу». Любой другой приятель, рискни он вернуться через восемь лет перерыва с таким вопросом на ровном месте, получил бы в лучшем случае нечто ироническое в ответ. Но не Ванечка. Ангел всегда к месту. Он пришел в тяжелое время перемен и, как всегда, принес благую весть. Весть о гармонии мира.

*Когда лукавый Дед Мороз
Покажется в окне...
И запах вереска и роз
Появится во сне...
Тогда, вельнем волшебства
Слегка светясь во мгле,
Приходит божество, едва
Ступая по земле.*

Ванечка тогда рассказал мне, что бросил вуз на втором курсе, а потом с родителями эмигрировал в США. Живет он теперь в Лос-Анджелесе, заканчивает колледж. После эмиграции принял христианство и ему хорошо. Друзья у него теперь самые разнообразные, в большинстве своем американцы или эмигранты из других стран. «Да, гармонично, – подумала я. – Ангел стал религиозен и прижился в городе ангелов. Разумно не замкнулся в русскоязычной диаспоре, а освоился в новой среде во всем ее разнообразии. И, похоже, сохранил себя». Я отписала, что рада его успехам, и на следующий день получила маленькую записочку: «Никто не сделал для меня больше, чем ты». Оказывается, он считал, что я научила его видеть мир и привела его к вере. Помнишь, написал он, нас в Переславле было трое – ты, я и Честертон? Я совершенно не помнила про книжку Честертона, но оказалось, что мои тогдашние религиозные искания подтолкнули ангела Ванечку к религии после эмиграции.

Удивительно. Вот уж этого человека я никуда его не вела – ангел сам себе выбирает дорогу. Более того, я впервые следовала за кем-то. Тем более трогательно, что тот, кто ничем меня в этой жизни не обременил, испытывает такую благодарность. Ведь я всегда общалась с ним в свое удовольствие: никаких напряжений, усилий, требований. Мне всегда казалось, что я очень много получаю. Впрочем, наверное, у нас была совершенная форма дружбы, напоминающая полет ангелов. «Мне повезло с тобой, – написала я ему, – и ты дал мне счастье». Отправила письмо, почувствовала необычайную легкость – и села писать свою книжку.

В общем, Ванечка вернулся точно в срок и снова стал моим ангелом-хранителем. Никаких романтических отношений, написал на это раз он сам. Отлично, ответила я. Мы переписывались около года, пока я сводила текст, а он выбирал свою будущую судьбу – после колледжа ему снова надо было поступать, на этот раз в какой-то американский университет. Странно, но повтор ситуации – я с книжкой, он с поступлением – не показался мне скучен. Так не скучно, наверное, женщине рождение второго ребенка: может, повторно выпяченный живот и выглядит так же, но ребенок-то в нем другой! И книги, как дети, и радость не надоедает.

Когда я закончила работу, Ванечка как раз поступил, к моему удивлению, выбрав отделение математики. Но на этот раз все сделал сам, осознанно и спокойно. Когда я отдала книгу в печать, ручеек наших писем иссяк, и мы опять разошлись, и снова – легко. Теперь – совсем легко.

Мне повезло: ангел-хранитель возникал в моей жизни тогда, когда был нужен. Делал для меня то, что нужно. Брал то, что я могла и была счастлива дать ему в ответ. Был незаменим и никогда этим не играл. И расходясь, как корабли из гавани, мы снова уходили каждый в свое плавание – и светло встретимся, если судьба сведет нас снова. Оба – с благодарностью.

*я – поля с птичьего полета и тени, летящие по полям
я – поцелуй на щеке, легкий, как слезы былой печали, текущие через сердце
я – песня, идущая через тело, ибо содержит небо в себе
я – ветер над арizonской пустыней, когда она расцветет.
А она расцветает, поверь мне.
Каждый год.*